

Моему сыну

ПРОВОДЦЫ

У Айинанц Меланьи умер муж. Не сказать чтобы его смерть стала для людей неожиданностью, ведь Симону было крепко за семьдесят, а точнее — без году восемьдесят лет. Но расстроились все — муж Меланьи был душой компании и общим любимцем. Жил он широко и безудержно, в тратах себя не ограничивал, ел словно в последний раз, пил так, будто на завтра утвердят сухой закон и впредь за спиртное будет полагаться смертная казнь. Поэтому завтракал Симон вином (для бодрости), обедал тутовкой (от изжоги), ужинал кизилровкой (чтоб крепко спалось). Несмотря на царящие в Берде¹ пуританские нравы, в интрижках он себе не отказывал. Любил женщин — самозабвенно и на износ, очаровывался с наскока, ревновал и боготворил, на излете отношений обязательно дарил какое-нибудь недорогое, но красивое украшение. «Расставаться нужно так, чтобы баба, встретив-

¹ Берд — город в Тавушском регионе Армении.

шись с тобой на улице, не прожгла плевком!» — учил он друзей. Друзья отшучивались и, намекая на его любвеобильность, дразнили джантльменом, от слова «джан» — душа моя.

Меланья по молодости устраивала мужу сцены ревности, но с годами научилась смотреть на его похождения сквозь пальцы. И все же иногда, чтоб не слишком зарывался, закатывала скандалы с битьем тарелок и чашек, которые заранее откладывала из щербатых, предназначенных на выброс. Симон наблюдал с нескрываемым восхищением, как жена мечется по дому, грохая об пол посуду.

— Ишь! — комментировал, подметая потом осколки. Пока он прибирался, Меланья курила на веранде, стряхивая пепел в парадные туфли мужа. Жили, в общем, душа в душу.

Симон умер накануне своего 79-летия, абсолютно здоровым и бодрым. Плотнo поужинав и опрокинув от бессонницы стопочку кизиловки, он уснул в привычное время, а утром не смог подняться с постели. Вызванная скорая диагностировала инсульт, но до больницы не довезла — Симон умер, когда машина выезжала со двора. Выдали его семье к утру следующего дня, одетым в шерстяной костюм и белоснежную рубашку, тщательно побритым и причесанным на идеально ровный пробор. Столь нарядного усопшего не стыдно было бы в гроб положить и предъявить общественности, если бы не багровые, в синюшный перелив, уши, портящие представительный вид. Молодой патологоанатом, предвосхищая расспросы родственников, пояснил, что подобное случается с людьми, умершими от инсульта.

— И как же нам быть? — прослезилась Меланья.

— Хоронить! — сухо бросил патологоанатом, которому явно было не до сантиментов.

Меланья долго раздумывала, как придать покойному приличный вид. От предложения старшей невестки замазать уши тональным кремом сердито отмахнулась — не дам из своего мужа меймуна¹ делать! Обозвав бессовестной, выставила вон младшую, предложившую повязать ему косынку. Средней невестке не дала даже рта раскрыть — все одно толкового не скажет. Ничего в итоге не придумав, она понадеялась на тактичность земляков и решила оставить все, как есть. Перепоручила невесткам хлопоты по поминальному столу, переоделась в темное и подчеркнуто скромное и уселась в изголовье гроба, вознамерившись провести в скорбном молчании два дня.

Но надежды на тактичность земляков не оправдались. При виде покойного они, позабыв о словах сочувствия, первым делом справлялись, почему у него такие вызывающе-синие уши. Меланья вынуждена была, прерывая молчание, обстоятельно им отвечать. Мужчины обескураженно цокали языком, женщины сразу же предлагали что-нибудь предпринять.

— Да что тут предпримешь! — вздыхала Меланья.

— Ну хоть что-нибудь! — упорствовали женщины, сыпля наперебой идиотскими предложениями.

¹ Обезьяна (*фарси*).

ми, как то: приложить к ушам листья подорожника, нарисовать йодную сетку, облепить перебродившим тестом, желательно холодным — чтоб наверняка. Мужчины в ответ крутили пальцем у виска, едко любопытствуя, как вообще можно помочь тому, кому ничем уже не поможешь. Цитата из «Идиота» о красоте, которой суждено спасти мир, неосмотрительно приведенная учителем литературы Офелией Амбарцумовной, вызвала в мужском лагере бесцеремонные смешки и вполне разумный довод, что красотой покойника не оживишь. «Зато приятно будет на него смотреть!» — не сдавался женский лагерь. Обстановка неуклонно накалялась, превращая церемонию прощания в перепалку. Траурный тон мероприятию вернула новоиспеченная вдова. Поднявшись со своего места и торжественным шагом направившись к буфету, она со скрипом его отворила, вытащила тяжеленную супницу и со значением грохнула ее об пол. Женщины, моментально вспомнив, за каким делом явились, дружно заголосили, мужчины вышли во двор — перекурить. Меланья, довольная произведенным эффектом, снова уселась в изголовье гроба.

Потихоньку стали подтягиваться бывшие пассии Симона, расфуфыренные, словно на пасхальную службу. Первой явилась Сев-Мушеганц Софья, в кардигане цвета топленого масла и с фальшивым жемчугом на дряблой шее. Следом заглянула Тевосанц Элиза. Сыновья Элизы давно перебрались во Фресно, потому она пришла во всем американском: платье, туфлях, даже сумка и помада цвета пыльной розы — и те были заграничные, о чем она

не преминула сообщить, устраиваясь по правую руку от вдовы. Меланья повела носом и поморщилась — пахла Элиза нестерпимо сладкими духами. «Передушилась, ага», — виновато шепнула та и уверила, что терпеть придется недолго — духи, в отличие от всего остального, не американские, потому быстро выветрятся. Из далекого Эчмиадзина приехала Бочканц Сусанна и в один миг взбесила публику литературной речью, высокомерно вздернутыми тонко выщипанными бровями и подобранными в частую складочку узкими губами. Ей тут же со злорадством припомнили хромоногую безграмотную мать и отца-оборванца. Сусанна вернула брови на законное место и, расслабив узел рта, перешла на диалект, чем сразу же снискала благосклонное к себе расположение. Последней пришла Вдовая Сильвия, удачно выдавшая дочь замуж в Россию. Невзирая на октябрьскую теплынь, она явилась в полушубке из чернобурки и бирюзовой фетровой шляпе. Встав к окну спиной (чтоб дневной свет не ложился на «упавшее лицо», но зато выгодно подчеркивал богатство гардероба), она, делая многозначительные проникновенные паузы, прочитала печальные стихи о разлуке.

Поэзия стала последней каплей. Бесцеремонно подвинув чернобурку, Меланья ушла к себе, переделась в маркизетовую блузку и длинную, выгодно подчеркивающую ее худощавую фигуру юбку, заколола волосы бабушкиным черепаховым гребнем. От искушения воткнуть в узел антикварные вязальные спицы из слоновой кости с сожалением отказалась. Зато напудрилась и подкрасила губы — не сидеть же среди этих расфуфыренных

куриц неухоженной выдрой! К тому времени, когда она вернулась, публика значительно поредела. Остались самые стойкие: родственники, бывшие коллеги мужа, пассии (все) и подслеповатая старая Катинка, кажется, намеренно позабытая своими детьми.

Именно она и предложила смазать уши покойного растопленным утиным жиром. Мол, вреда все одно не будет, а вот польза может приключиться. Ведь знахарка Пируз вполне успешно лечила утиным жиром не только синяки и ушибы, но даже переломы.

— Не хоронить же его синеухим, дочка! — прошамкала Катинка, утирая слезы краем передника. Меланья хотела было возразить, что покойному без разницы, какого цвета у него уши, но, поймав боковым зрением шевеление бровей Бочканц Сусанны, передумала — повода злорадствовать она ей не даст.

— Несите утиный жир! — скомандовала вдова.

— Главное — наложить сверху компрессы с камфорным маслом. Так знахарка делала! — сыпала инструкциями Катинка, следя за тем, чтобы камфары не переложили. Иначе, пояснила она, могут случиться судороги.

— Ну ему-то судороги не грозят! — отмахнулась невестка Меланьи.

— Откудыва ты можешь знать? — встопорщилась старая Катинка. — И вообще, вместо того, чтобы языком молоты, ты бы лучше охладила утиный жир до комнатной температуры!

— Почему именно до комнатной? — полюбопытствовала Вдовая Сильвия, обмахиваясь

журналом: в полушубке и шляпе ей было нестерпимо жарко, но на предложения раздеться она отвечала неизменным отказом.

— Как почему? — всплеснула руками Катинка. — Чтоб не обжечь покойному кожу!

Сильвия, обменявшись ошалелыми взглядами с невесткой Меланьи, булькнула нечленораздельное и притихла.

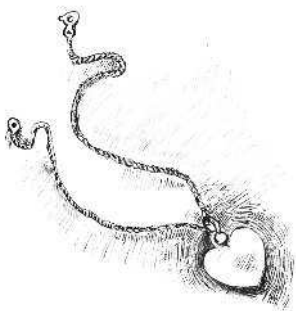
К тому времени, когда у детей Катинки проснулась совесть и они наконец-то явились за своей матерью, голову Симона украшали большие беспроводные наушники, отжатые со скандалом у младшего правнука. Наушники надежно фиксировали компрессы с камфорным маслом. Несмотря на неловкость ситуации, покойный выглядел вполне умиротворенным и даже счастливым. Вокруг гроба расселись вдова и бывшие пассии, потягивали домашнее вино и, разгоряченные то ли спиртным, то ли беспомощным видом Симона, откровенничали «за жизнь». Вдовая Сильвия, сдвинув на затылок фетровую шляпу и выставив на обозрение сотоварок почти лысую голову, жаловалась на поредевшие волосы. Софья, сняв фальшивый жемчуг и оттянув ворот водолазки, демонстрировала некрасивый шрам, оставшийся после операции на щитовидке. Элиза с горечью призналась, что сыновья, вознамерившись открыть свое дело и понабрав кредитов, еле сводят концы с концами и потому вся ее одежда приобретена не в приличном магазине, а в секонд-хенде, чуть ли не на развес. Сусанна же с упоением жаловалась на высокомерную городскую свекровь: «Старая грымза попрекает меня деревенским

происхождением, а сама рюкзак называет лугзагом!»»

— Обмажь ей уши утиным жиром, вдруг по-
добрееет, — посоветовала Меланья под общий
смех. Изредка кто-то из женщин заглядывал под
наушники и сообщал остальным, что толку от ути-
ного жира ноль.

— Неужели вы надеялись, что толк будет? —
каждый раз осведомлялась Софья и, с удовлетво-
рением выслушав заверения в обратном, разлива-
ла по бокалам новую порцию вина.

КУЛОН

Запах моря был таким настойчивым, что Вдовая Сильвия проснулась с ощущением, будто оно плещется у нее под окнами. Она повернулась на бок, подогнула ноги, тщательно накрылась одеялом и пролежала так несколько минут, не размыкая век и дыша полной грудью. Форточка, уступив натиску стеклянного зимнего ветра, приоткрылась и впустила в дом солоноватый дух морозного ущелья. Тот метался по комнатам крупным бестолковым щенком, бился башкой о дверные косяки, застревал под тахтой и креслами, путался в тяжелых шторах, воевал с бахромой диванных подушек. Сильвия прислушивалась к его возне, блаженно улыбаясь — хорошо. Тем не менее вскоре она поднялась, пробежалась, босая, ежась от холода, по дощатым полам, плотно прикрыла форточку, не давая ей, поддетой порывом ветра, захлопнуться и наделать шума. Одевалась, настороженно прислушиваясь к тишине. Подошла на цыпочках к комнате дочери, прижалась ухом, удовлетворенно кивнула — спят!

Время двигалось к семи утра, ночь неохотно отступала, влача темный подол своего одеяния, но и день с приходом не особо спешил, ограничившись лишь тем, что лениво притушил и без того неяркое свечение звезд да передвинул к краю горизонта блеклую четвертушку луны. Было зябко и неприкаянно, там и сям, нехотя чирикнув, сразу же притихали воробьи, молчали дворовые собаки, а петухи, успев откукарекать по третьему кругу свое ежеутреннее приветствие, с чувством исполненного долга отдыхали.

Вдовая Сильвия вспомнила петуха из своего детства, невольно фыркнула. Тот был до того заполошным, что изводил криком всю округу. Иногда, чтоб немного уgomонить, дед смазывал ему под хвостом солидолом. Ничего не подозревающий петух взлетал на частокол, вознамериваясь в очередной раз сотрясти окрестные дворы торжествующим криком, набирал полные легкие воздуха, однако терпел фиаско: не встретив сопротивления, воздух беспрепятственно выходил через задний проход, обрывая в зародыше его «кукареку». Сделав несколько неудачных попыток крикнуть, петух сползал с частокола и плелся по двору, топорщась перьями на затылке и уныло свесив пестрые крылья. Весь его облик — скособоченный клюв, сокрушенный взгляд, неуверенная поступь — свидетельствовал о глубоком недоумении и неподдельном потрясении. «И что, теперь так и будет?» — будто бы жаловался он, едва слышно бухтя себе под нос. Сильвия не помнила, что стало с ним потом — то ли зарезали, то ли продали, но крик его, пусто-порожний, торжествующий, до сих пор звучал в ушах.

Прочитав над водой коротенькую молитву и поблагодарив Бога за новый день, Вдовая Сильвия тщательно умылась. Этой церемонии ее научила глубоко уважающая и неукоснительно чтящая народные традиции бабушка. В свое время она даже умудрилась подстроить под них весь свой быт. К примеру, заметив, что пес задрал голову и обеспокоенно обнюхивает воздух, она, ничуть не сомневаясь, что дело движется к дождю, спешила убрать вывешенное на просушку белье. Если глаза бесцельно замирали на каком-нибудь предмете — тотчас застилала обеденный стол свежей скатертью и, проверив запасы сладкого, садилась молотить кофе — ведь ни для кого не секрет, что застывший взгляд к неожиданным гостям. Путникам она неизменно подкладывала в вещи узелок с горсточкой огородной земли — чтобы они благополучно вернулись домой. Никогда не передавала из рук в руки чеснок, потому что это могло навредить здоровью того, кто его просил. Не делала уборку на ночь, чтоб не расстраивать домашних духов — она искренне верила в них и непременно оставляла на чайном блюде угощение, к примеру — карамельные конфеты, фантики которых она обязательно приоткрывала, но полностью не разворачивала, тем самым облегчая работу и в то же время уважая желания духов: захотят угоститься — сами дальше справятся.

Сильвия, по молодости относившаяся с иронией к привычкам старшего поколения, с возрастом сама в них поверила и нет-нет да и ловила себя на том, что, вторя бабушке, старается переделать всю работу по дому до субботнего полудня, оставляя

свободным вечер и последующее воскресенье. Или же, помня о том, что в народе понедельник считают недобрым для начинаний днем, старалась ничего в этот день не планировать. А засеивать огород принималась во вторник — самый благоприятный для этого день.

Анна, дочь Вдовой Сильвии, мирилась с привычками матери, а вот зять, не вытерпев, иногда подтрунивал над тещей. Впрочем, делал он это до того смешно и по-доброму, что Сильвия не обижалась — молодой еще, наивный, жизни не понимает. На резонное замечание зятя, что к тридцати пяти годам вполне уже можно кое-что в жизни понимать, она снисходительно цокала языком: кое-что — это не все! Рано поседевшая и растратившая былую красоту, себя Вдовая Сильвия, невзирая на в общем-то небольшой возраст — пятьдесят два года — прочно записала в старухи и мягко, но решительно отметала любые попытки близких убедить ее в обратном. Рождение долгожданного внука окончательно укрепило ее в убеждении, что лучшие времена остались позади. Сразу же оформив на работе бессрочный отпуск, она с радостным облегчением переключилась с бухгалтерских расчетов на благословенные заботы бабушки, с первого же дня привязавшись к младенцу с той самоотверженной преданностью, на которую способны только люди, всю жизнь промечтавшие о беззаветной любви — и наконец-то ее заполучившие.

Анна, не считаясь с настоятельными советами воронежских врачей, приняла решение рожать в Берде. «Мне только у мамы будет спокойно», — отmelda она все их доводы. Муж ее решение